

УДК 81'0+81'37+81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/5

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ ЗАВИСТЬ И РЕВНОСТЬ В ПОВЕСТИ Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ» И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Е.Ю. Булыгина¹, Т.А. Трипольская², П. Ференц³

Новосибирский государственный педагогический университет

Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Выборная, 28

¹E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

²E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

³E-mail: pawelferenc2@gmail.com

Авторское резюме

Процессы языковой категоризации, связанные с обозначением концептов *зависть* и *ревность* в славянских и романо-германских языках, коррелируют друг с другом по целому ряду позиций: эмотивная семантика, являясь производной, формируется на основе лексики со значением интенсивных физических действий или лексики зрительного восприятия; логика развития семантики слова – от физической сферы к эмоциональной – оказывается универсальной для индоевропейских языков. Однако интерпретация таких эмоций, как зависть, ревность и ненависть, разными языками отражает собой различные смысловые конфигурации, демонстрирующие представления говорящих о каузальных связях между разными эмоциональными состояниями: для каждого чувства – специализированная эмотивная лексема в русском и английском языках, призванная дифференцировать смежные эмоции; напротив, в польском и французском языках эмоции ревности и зависти отражены одним словом (*jealousie, zazdrość*). В настоящей статье представлено исследование языковой презентации художественных концептов *зависть* и *ревность* в текстах оригинала и перевода повести Ю. Олеши «Зависть». Сложности переводческой деятельности заключаются в отсутствии в русском и польском языках полного лексического соответствия и полного параллелизма синтаксических конструкций для интерпретации эмоциональных состояний. Задачей переводчика было передать эмоциональные состояния в высокой степени их проявления и качественную характеристику

персонажей-завистников. Отказ автора от наречно-предикативных конструкций с семантикой 'невольность охватившего чувства' и предпочтение глагольных конструкций свидетельствуют, как нам кажется, о его намерениях исследовать эмоциональный мир завистника, несущего ответственность за чувства-отношения к окружающим. Эта авторская интенция находит адекватное воплощение в тексте перевода. Переводчик, следуя замыслу Ю. Олеши показать чувство в высокой степени проявления, предпочитает метафорические конструкции, актуализирующие компоненты 'интенсивность', 'опасность', 'всеохватность'.

Ключевые слова: художественная картина мира, языковая концептуализация эмоций, русский и польский языки, теория перевода.

THE CONCEPTS *ENVY* AND *JEALOUSY* IN YU. OLESHA'S NOVEL "ENVY" AND ITS TRANSLATION INTO INTO POLISH

E.Yu. Bulygina¹, T.A. Tripolskaya², P. Ferenc³

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vybornaya Street, Novosibirsk, 630126, Russia

¹E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

²E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

³E-mail: pawelferenc2@gmail.com

Abstract

The processes of language categorisation associated with the designation of the concepts *envy* and *jealousy* in Slavic and Romance-Germanic languages are correlated with each other in a number of positions. Being derivative, emotive semantics is formed on the basis of the lexicon of intense physical action or visual perception. The logic of the development of the word semantics from the physical to the emotional sphere is universal for Indo-European languages. However, the language interpretation of such emotions as envy, jealousy and hatred represents different semantic configurations that demonstrate the speaker's perception of causal links between different emotional states. Russian and English have a special emotive word for each sense to distinguish the related emotions. On the contrary, in Polish and French jealousy and envy are represented by one word (*jealousie*, *zazdrość*). This article contains the analysis of

the linguistic presentation of the artistic concepts *envy* and *jealousy* in the original and translation of the novel “Envy” by Yu. Olesha. The translation was a challenge as there is no complete lexical correspondence and syntactical parallelism in Russian and Polish to express emotional states. The translator’s task was to convey the emotional states and qualitative characteristics of envious characters with the help of lexical and grammatical language tools. The author preferred verbal constructions to predicative adverbial constructions with the semantics of ‘involuntary feelings’, which is indicative of his intentions to explore the emotional world of the envious character responsible for feelings and attitudes towards others. This intention has been adequately translated, as the translator prefers metaphorical structures with such components as ‘intensity’, ‘danger’ ‘all-embracing’, following Olesha’s plan to show the highest degree of emotion.

Keywords: language picture of the world, linguistic conceptualisation of emotions, Russian and Polish, theory of translation.

Настоящая статья является продолжением работы, посвященной сопоставительному описанию концептов *зависть* и *ревность* в русском, польском, французском и английском языках (Булыгина, Трипольская 2015), и предполагает исследование языковых способов художественной интерпретации эмоциональных концептов в оригинале повести Ю. Олеша «Зависть» (Олеша 1999) и ее переводе на польский язык Адама Галиса (Olesza 1959). Мы исходим из того, что художественная картина мира анализируется на фоне национальной – это позволяет обнаружить специфические черты авторского мировидения.

Результаты сопоставительных исследований, касающиеся русского и чешского, русского и польского, русского и английского, французского, итальянского языков, позволяют сформировать общее представление о категоризации определенного фрагмента эмоциональной картины мира в близкородственных (славянских) и неблизкородственных (романских и германских) языках.

Вслед за предшественниками – психологами и лингвистами (Рубинштейн 1984; Стефанский 2008), мы исходим из представлений об изначально нерасчлененном (или слабо расчлененном) эмоциональном комплексе в эмотивной картине мира человека. Дальнейшее развитие эмоциональной сферы предполагает дифференциацию эмоций.

В европейских неславянских языках эти смежные эмоции представлены двумя номинациями – *jalousie / envie* (фр.), *jealousy / envy* (англ.), одна из которых сохраняет семантику зрения / видения (от лат. *invidia*), а вторая (*jalousie, gelosia, jealousy*) восходит к понятиям ревнения, стремления, старания и является полисемантом, совмещая во французском языке лексико-семантические варианты ‘зависть’ и ‘ревность’, как и лексема *zazdrość* в польском языке.

Отметим еще одну общую черту, характерную для концептуализации этих эмоций в разных языках: зависть – чувство, обычно скрываемое (*тайная зависть, głęboko skrywana zawiść* / глубоко скрываема́я зависть), ревность же может быть как скрываема́й (выказывается лишь раздражение, причем происходит подмена каузатора эмоции), так и предъясвляема́й (*sceny ревности / sceny zazdrości*).

Процессы языковой категоризации, связанные с обозначением концептов *зависть* и *ревность* в славянских и романо-германских языках, коррелируют друг с другом по целому ряду позиций: эмотивная семантика, являясь производной, формируется на основе лексики со значением интенсивных физических действий или лексики зрительного восприятия; логика развития семантики слова – от физической сферы к эмоциональной – оказывается универсальной для индоевропейских языков.

Однако языковая интерпретация эмоций зависти, ревности и неизбежно сопутствующей ненависти отражает разные смысловые конфигурации, демонстрирующие представления говорящих о каузальных связях между разными эмоциональными состояниями: 1) для каждого чувства – специализированная эмотивная лексема в русском и английском языках, призванная дифференцировать смежные эмоции; 2) в польском и французском языках, напротив, эмоции ревности и зависти отражены одним словом (*jaalousie* и *zazdrość*). Кроме того, связь с исторически родственным словом *ненависть* в современных языках оказывается в разной степени актуализированной, так же как и синкретичные отношения между завистью, скупостью и жадностью, характерные для русского языкового сознания XI–XVII вв.

Таким образом, этимологические данные позволяют увидеть вектор осмысления эмоциональной ситуации говорящих на разных языках. Этимологический анализ эмотивных концептов позволяет в дальнейшем вскрыть и объяснить образно-метафорическую составляющую концептов *зависть* и *ревность* в русском языке, *zawiść* и *zazdrość* – в польском языке, *envie* и *jaalousie* – во французском и *envy* и *jealousy* – в английском.

Обратимся к материалам польских толковых словарей. Словарь В. Дорошевского, включающий языковые факты со второй половины XVIII до 60-х гг. XX в., может быть полезен в анализе взаимосвязи таких эмоций, как ненависть, зависть и ревность. Ср. толкование слова **zawiść** и его дериватов: *zawiść* «uczucie silnej niechęci do osoby, której się czegoś zazdrości» – «чувство сильной неприязни к человеку, к которому испытывают ревность»; *zawidzieć* (в современном языке не употребляется): а) «czuć do kogo zawiść, zazdrościć komu» – «чув-

ствовать зависть, ревность к кому-либо» <...>; б) «nienawidzić kogo, czego» (Słownik języka polskiego 1958–1969).

В польской эмотивной картине мира недифференцированно отражен эмоциональный комплекс *зависть + ревность*, представленный лексемой *zazdrość*, и **сильное** чувство зависти, обозначаемое как *zawiść* (Стефанский 2008). Кроме того, как видим, *zawiść* обозначает всегда сильное чувство, связанное с желанием навредить обладателю того, чего не имеет субъект эмоции; *zazdrość* же обозначает чувство, не всегда связанное с ненавистью и стремлением навредить (ср. *белая и черная зависть*). Таким образом, актуальным для говорящих оказывается зафиксировать каузальную связь между эмоциями зависти и ревности и сформировать представление об эмоциях, проявляемых с разной степенью интенсивности. Польское слово *zawiść* и в современном языке связано с эмоцией ненависти и вражды. В польских словарях присутствует такой признак, как ‘желание отомстить’.

В тексте-оригинале Ю. Олеша (Олеша 1999) слово *зависть* и однокоренные с ним слова повторяются 20 раз, из них *зависть* и его словоформы использованы 13 раз (автор исследует природу зависти), *завидовать* – 6 раз, *завистник* – 1 раз, *завидно* – 1 раз. Известно, что неоднократное употребление слова в тексте часто приводит к приращению смысла. В таких случаях следует обратить внимание на «те новые смысловые и коннотативные компоненты, которыми оно “обрастает” по мере своего употребления» (Купина 1983: 91).

Лексема *зависть* используется в качестве заглавия произведения, являющегося «важной частью начального стимула, который, как учат психологи, определяет ход и исход всякой человеческой деятельности» (Арнольд 1999: 225). Заглавное слово актуализирует связь всех своих значений и относящихся к ним коннотаций, оно вызывает многочисленные ассоциации, образуя в тексте семантические комплексы из однокоренных и близких по значению слов и таким образом формируя ассоциативно-смысловое поле текста. Ключевое слово *зависть* является репрезентантом базового концепта произведения. Что касается концепта *ревность*, то слово, номинирующее данный концепт, встречается в тексте значительно реже (8 словоупотреблений) по сравнению со словом *зависть* и другими лексемами, обозначающими эмоции.

Определим, какие смыслы концепта актуализированы в произведении Ю. Олеша.

Ю.Д. Апресян, вслед за современными психологами (например, К. Изард), выделяет следующие пять фаз развития эмоций, представленных в языке. По сути, это каркас ментального сценария эмоции:

1) первопричины эмоции – обычно физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей;

2) непосредственная причина эмоции – как правило, интеллектуальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного;

3) собственно эмоция, или состояние души;

4) желание продлить или пресечь существующие причины, которые вызывают эмоцию;

5) внешнее проявление эмоции:

а) неконтролируемые физиологические реакции тела;

б) контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию (Апресян 1995: 49).

Зависть относится к сложным (вторичным) эмоциям, которые опираются на предварительную интеллектуальную обработку информации о внеязыковой ситуации: человек делает вывод о том, что некто обладает какими-либо ценностями, которых у него нет, но которые он хотел бы иметь. Такое положение дел вызывает чувство зависти. Это сценарий сложной вторичной эмоции, опирающийся на оценочную интерпретацию события субъектом (возможен и другой эмоциональный сценарий, например чувства отвращения, когда ментальная составляющая оказывается существенно ниже).

В настоящей статье сосредоточимся на исследовании языковой презентации концептов *зависть* и *ревность* в текстах оригинала и перевода повести Ю. Олеши «Зависть».

Как показывает представленный выше сценарий проживания эмоции, зависть не возникает сама по себе. Человек начинает завидовать лишь в определенных условиях, осознавая невозможность достижения лучшего / желаемого. В тексте реализованы два параллельных эмоциональных сценария двух главных героев, вполне соотносимых с моделями реализации эмоций, которые предложены психологами и подтверждены лингвистами. Эти сценарии в художественном тексте включают:

– сравнение себя с объектом зависти по разным основаниям (черты характера, внутренние качества, внешность, умственные способности, сила, положение в обществе, благосостояние, известность). При этом отрицательно оцениваются внешность и внутренний мир объекта зависти (Ивана Бабичева), в то время как квартира и прочие материальные блага оцениваются героем положительно. Николай Кавалеров считает, что объект его зависти не заслуживает тех благ, которыми он обладает, отсюда и чувство зависти, провоцирующее ненависть и желание нанести вред;

– переживание унижения по этому поводу: Кавалеров намеренно принижает себя, не считая способным достичь тех же успехов, которые есть у Бабичева; чтобы компенсировать отсутствие того, чему герой завидует, он пытается вызвать жалость окружающих;

– проявление неприязни, ненависти, вражды к тому, кто превосходит в чем-либо Кавалерова (он открыто говорит, что ненавидит Бабичева и объявляет ему войну);

– желание причинения вреда: Кавалеров не стремится к достижению того успеха и известности, которые есть у Бабичева, он пытается отыскать его слабую сторону, чтобы впоследствии отомстить ему;

– стремление скрыть чувство зависти: герой никогда не называет себя завистником, не определяет свои чувства как зависть и ревность, о зависти говорит всеведущий автор; при описании своих переживаний герой актуализирует эмоции злобы, обиды, страха, вражды, негодования, которые обычно сопровождают чувство зависти; переживания героя, как правило, интенсивны.

Итак, можем заключить, что Николай Кавалеров является истинным завистником: в его речевом поведении и психологическом состоянии постоянно проявляется множество компонентов, присущих сценарию зависти.

Переживание чувства зависти в произведении Ю. Олеси свойственно не только Николаю Кавалерову, но и Ивану Бабичеву. Его зависть складывается из следующих смысловых компонентов:

– социальное сравнение с объектом зависти – девочкой, признанию и славе которой завидует герой. Критериями сравнения становятся творческие способности (умение петь, танцевать, придумывать игры). Отметим, что эпизод проживания эмоции отнесен в прошлое, к детству героя;

– неприязнь и ненависть к тому, кто превосходит субъекта состояния. Иван признается в том, что ненавидит девочку;

– причинение вреда и лишение предмета зависти его превосходства. Иван поймал ее в коридоре и поколотил, лишив девочку кудрей, атласных лент, блеска, т. е. всего того, что вызывало восхищение у окружающих и тем самым провоцировало зависть героя.

Взрослый герой иначе переживает чувство зависти, в котором уже нет конкретного объекта, отсутствует чувство ненависти и желание нанесения вреда. Зависть здесь модифицируется в чувство восхищения и «обязательного энтузиазма»: *Мы завидуем грядущей эпохе. Если хотите, тут зависть старости. Тут зависть впервые состарившегося человеческого поколения.*

Концепт *ревность* представлен в тексте как самостоятельный и как сопутствующий *зависти*, хотя слово-номинант концепта *ревность* и

его словообразовательные дериваты намного реже употребляются в тексте. В произведении представлены следующие составляющие концепта *ревность*:

– ситуация соперничества (соперником Николая Кавалерова является Володя Макаров. Они борются за «место на диване» в доме Андрея Бабичева, за его внимание);

– ситуация любовного треугольника в финале, участниками которого являются Николай Кавалеров, Иван Бабичев, вдова Прокопович.

Оба эти чувства – ревность и зависть, по мнению Мелани Кляйн, почти всегда присутствуют в ситуации соперничества, явного или скрытого. В польском переводе эту связь демонстрирует полисемант **zazdrość**. Ревность в большей мере «озабочена той любовью, которую субъект чувствует своей, но которую отбирает, или опасается, что отберет соперник или соперница» (Кляйн 1997: 19). П. Куттер разграничивает эти эмоции следующим образом: «Ревность непременно вовлекает в свою орбиту трех участников, первый из которых – ревнующий, второй – тот, кого ревнуют, и третий – тот, к кому ревнуют. Зависть же предполагает наличие двух индивидов, один из которых завидует другому (Куттер 1998: 70–71). При чувстве зависти у субъекта присутствует желание завладеть тем, что принадлежит другому, в то время как при ревности – желание сохранить за собой право обладания тем, кого можно потерять. Таким образом, основным различием зависти и ревности является вектор желания (Воркачев 1998: 42).

В художественном тексте персонажами переживаются гиперболизированные, доведенные до абсурда эмоциональные состояния, вызывающие иронию и сарказм.

Концепты *zawiść* и *zazdrość* в тексте перевода

Представив языковую реперзентацию концептов *зависть* и *ревность* в тексте оригинала произведения Ю. Олеси «Зависть», обратимся к его переводу на польский язык, выполненному Адамом Галисом (Olesza 1959). Предпочтение ключевого слова *zawiść* в качестве заглавия обусловлено, как кажется, компонентами 'интенсивность', 'ненависть', 'стремление причинить вред' в его семантике.

Выбор данных лексем в качестве предмета исследования мотивирован их несовпадающим интерпретационным потенциалом. В первую очередь это связано с проблемой межкультурных несовпадений, которые в целом широко представлены в области эмотивной лексики: «эквивалентные» слова могут быть различны по объему семантики, возможным коннотациям и особенностям функционирования.

Обратимся к переводу лексем *зависть* и *ревность* в художественном тексте Ю. Олеси. Напомним, что «переводчику важно сопоставление не отдельных грамматических форм или синтаксических конструкций, а структурно-семантических “узлов”, составляющих единое “понятийное поле”» (Рецкер 1974: 7).

Попытаемся выявить специфику перевода в области интерпретации эмоциональных состояний.

Первое – это, конечно, отсутствие полного лексического соответствия (наличие лексемы, которая одновременно обозначает ревность и зависть в польском языке и позволяет представлять разные эмотивные ситуации недифференцированно), которое ставит перед переводчиком непростую задачу.

Другая трудность связана с отсутствием полного параллелизма синтаксических конструкций для интерпретации эмоциональных состояний.

По замечанию С.Н. Цейтлин, современный русский синтаксис располагает широкими возможностями для передачи психического состояния субъекта. Существующие в речи конкретные предложения, передающие данные значения, могут быть сведены к ряду основных моделей (типов): глагольная, наречно-предикативная, субстантивная, адъективная, причастная, предложно-падежная и метафорическая (Цейтлин 1976: 161).

Применительно к исследуемой сфере эмоциональных состояний (ревность и зависть) отметим, что в русском и польском языках существуют не все перечисленные модели: это устанавливается в процессе «внутреннего» (способы выражения разных состояний в русском языке) и «внешнего» сопоставления с польским языком. Общим для двух языков является наличие глагольной модели: я *завидую* / *ревную* – *zazdroszczę*; адъективной: я *завистлив* / *ревнив* – *jestem zawiśtny* / *jestem zazdrosny*; метафорической: *меня гложет, берет зависть* / *меня мучает ревность* – *ogarnia (охватывает) mnie zawiść* / *zżera mnie zazdrość*.

Наиболее характерной конструкцией для русского языка является наречно-предикативная модель (хотя, как отмечает С.Н. Цейтлин, наиболее частотна глагольная конструкция): *мне завидно*, но нет подобной конструкции от слова *ревновать*. В польском языке слов категории состояния совсем немного (например, *mnie smutno* и некоторые другие), предикативно-наречной конструкции применительно к эмоциям *ревность* и *зависть* нет. В связи с этим предпочтение отдается глагольной модели (Rudomina, Maela 2008: 79), причем задействован только один глагол ***zazdrościć***.

В тексте Ю. Олеси наблюдается парадоксальная ситуация: наречно-предикативная модель, предназначенная для передачи психиче-

ского состояния как безотчетного и произвольного (*мне завидно*) и ожидаемая в данном контексте, употребляется лишь один раз. Ср.: «*Слушайте, хозяйки, ждите! Мы обещаем вам: кафельный пол будет залит солнцем, будут гореть медные чаны, лилейной чистоты будут тарелки, молоко будет тяжелое, как ртуть, и такое поплывет благоухание от супа, что **станет завидно цветам на столах***». В польском переводе *kwiaty na stołach będą zazdrościć* на месте слова категории состояния появляется глагол *zazdrościć* (от слова *zawiść* нет глагольной формы, поэтому в случае необходимости используется глагол, однокоренной с *zazdrość*). Слово категории состояния, обычно передающее эмоцию, в которой субъект выражен дательным падежом, «уведен в тень», инактивен, интерпретирует в оригинале чувство зависти, не имеющее отношения к человеку, чувство, как бы делегированное неживой природе.

Возможно, автор намеренно в тексте о зависти избегает специализированной наречно-предикативной конструкции для выражения состояния: ему важнее предъявить субъекта переживания, который *испытывает зависть и ревность, чувствует зависть, завидует*, а также обозначить саму эмоцию, обычно скрываемую под маской других переживаний. Польский перевод вполне адекватно отражает эту авторскую интенцию. Невозможность / трудность побороть эмоцию передается с помощью метафорических средств языка.

Таким образом, в произведении Ю. Олеси «Зависть» доминируют синтаксические модели со значением чувства ревности и зависти: глагольная, адъективная и метафорическая.

Адъективные предложения специализируются в языке на выражении качеств, но, по замечанию В.Г. Гака, «качество, ограниченное во времени, переходит в другую семантическую категорию – состояние» (Гак 1970: 785).

Рассмотрим возможности соотнесения разных грамматических конструкций в оригинале и переводе:

*Она (Офелия) влюбляется, **ревнует**, плачет, видит сны – *zakochuje się, **jest zazdrośna**, płacze, ma sny*. В данном случае в оригинале представлена глагольная модель в полипредикативной моносубъектной конструкции с глаголами несовершенного вида со значением вневременного действия (свойства) субъекта.*

Адъективная модель реализована в тексте следующим образом: *Он завидует всем, что касается жрания. Он жаден и **ревнив** – *On zazdroździ wszystkim, co dotyczy żarcia. Jest chciwy i **zazdrośny***.*

Обратим внимание на формы прилагательных в переводе.

В тексте оригинала в адъективной модели употреблена краткая форма прилагательного. Между краткими и полными формами имен

прилагательных есть тонкие смысловые отличия, которые далеко не всегда укладываются в противопоставление временного и постоянного качества (*она весела* и *она веселая*): в краткой форме имени прилагательного значение качества модифицируется в семантику качественного состояния, в то время как в полной форме заложено значение качества. Однако в паре *он ревнив* и *он ревнивый* обозначается качество, которое присуще человеку постоянно: нельзя быть ревнивым сейчас или потом (ср.: *она вчера была весела*). Мы подобного противопоставления не находим: в обоих случаях актуализируется наличие постоянного свойства.

В современном польском языке далеко не все прилагательные образуют краткую форму, отсутствуют краткие прилагательные и от *zazdrosny, zawiśtny* / 'ревнивый' и 'завистливый', в связи с чем в переводе используется полная форма и реализуется семантика постоянного качества. В тех случаях, когда краткая форма прилагательного имеется, в женском роде в именительном падеже и единственном числе она совпадает с полной (Klemensiewicz, Lehr-Spławiński, Urbańczyk 1964: 324–329). Если говорить о тексте в целом, то для переводчика семантика постоянного качества весьма существенна для характеристики завистника.

Вторая трудность перевода связана с образными представлениями эмоций в двух языках, хотя в этих представлениях немало общих характеристик в русском и польском.

Интерес представляет перевод метафорических моделей. С.Н. Цейтлин называет метафорический способ изображения ситуации метафорической моделью, так как отличие данной модели от всех остальных не подлежит сомнению: трудно указать четкие структурные характеристики данной модели, строение предложения зависит в каждом случае от того, как фигурально представлено состояние. Степень лексической связанности метафорической модели очень велика (Цейтлин 1976: 172).

Кроме сценарной составляющей, в тексте, как и в национальной картине мира, репрезентированы образно-метафорические составляющие концептов *зависть* и *ревность*: они представлены как густая, интенсивная, органическая субстанция, жидкость (*Вы сгусток зависти погибающей эпохи. Погибающая эпоха завидует тому, что идет ей на смену – Jesteście skrzepem zawiści ginącej epoki. Ginąca epoka zazdrości temu, co nadchodzi, by ją zastąpić*); как дикий зверь, терзающий человека; как тяжкое бремя; тяжелая болезнь, оказывающая разрушающее воздействие на личность завистника / ревнивца. Зависть, как и многие другие чувства, достигшие вселенского масштаба, как будто поглощает самих героев.

Переводческие трансформации в данных моделях могут осуществляться как на лексическом, так и на грамматическом уровне. При грамматической замене единица оригинала преобразуется в единицу перевода с другим грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа, что ведет к замене одной модели на другую, в нашем случае – метафорической на неметафорическую (например, глагольную).

В тексте перевода мы можем наблюдать следующую лексико-грамматическую трансформацию: *Zawistь взяла к машине – Czuję zawiść do maszyny* (я чувствую зависть к машине). В данном случае происходит смещение грамматического субъекта: вместо чувства зависти им становится персонаж (Кавалеров). В переводе происходит разрушение метафорической модели: ‘чувствую зависть к машине’. В этом примере представлена глагольная модель с модификацией расщепления, т.е. основная лексема – слово, выражающее состояние, расщепляется на две, в предложение вводится особое слово вспомогательного характера *чувствую*; при этом количество синтаксических компонентов не увеличивается, лишь один из них, компонент со значением состояния, получает расчлененное выражение (ср.: *я завижду – я чувствую зависть*). По замечанию С.Н. Цейтлин, аналитические варианты глагольных предложений получили широкое распространение в художественной литературе и переводоведении. Употребление аналитического варианта часто помогает преодолеть лексическую связанность модели (Цейтлин 1976: 174).

Изменения грамматической структуры рассматриваемой модели влекут за собой изменения и на лексическом уровне. Так, при разрушении метафорической модели исчезает ее метафорическое наполнение: в тексте оригинала представлена антропоморфная метафора – зависть является активным субъектом, способным совершать действие, характерное для человека. Человек, в свою очередь (в данном случае Володя Макаров), является пассивным субъектом, подвластным зависти. В переводе же метафорическое наполнение отсутствует, активным субъектом является герой. При данной трансформации происходит также изменение временного плана: прошедшее время меняется на настоящее, что подчеркивает активность переживающего чувство. Зависть уже не интерпретируется как живое существо, способное совершать действие и полностью подчинять себе человека.

Следует отметить, что как в русском, так и в польском языке присутствует похожий вариант метафорической модели: *zawistь берет / bierze mnie zawiść* (в польском корпусе найден всего 21 пример с глаголом *wziąć* и 1 пример с глаголом *brać*). Однако чаще используется

другой глагол: *ogarnia go gniew / zawiść / zazdrość* (Его охватывает гнев, зависть).

Таким образом, переводчик пожертвовал компонентом *невольность / неконтролируемость эмоционального состояния*, предпочтя глагольную расщепленную конструкцию.

В остальных примерах употребления метафорической модели, которая встречается в тексте, изменения в переводе затрагивают только лексический уровень. Во всех случаях позицию активного субъекта занимают номинации эмоций *зависть* и *ревность*.

Для выявления расхождений в интерпретации эмоционального состояния субъекта в оригинале и переводе обратимся к примерам.

Образ дикого зверя. Это вполне соответствующая национальным картинам мира метафора зависти и ревности: *звериная, дикая, свирепая ревность* (словарь эпитетов); *зависть / ревность душит, терзает; зависть: гложет, съедает, дикая; ревность: злая змея, звериная* (РАС 2002).

Ср.: Иван Бабичев говорит Кавалерову: *Нас гложет зависть. Мы завидуем грядущей эпохе. Если хотите, тут зависть старости. Тут зависть впервые состарившегося человеческого поколения. Поговорим о зависти – Nas zżera zawiść. Zazdrościmy nadchodzącej epoce. Jeśli wolicie, jest to zawiść starości. To zawiść pokolenia ludzkości, które zestarzało się po raz pierwszy. Pomówmy o zawiści <...>.*

Отметим глагол *zazdrościmy*, который появляется в случаях, когда переводчику нужна глагольная конструкция.

Глагол *гложет* имеет значение *'грызть, объедая, обкусывая мякоть зубами'* (Ожегов 1990: 152), *грызть*, в свою очередь, трактуется как *'раскусывать зубами что-нибудь твердое'*. Глагол *zżerać*, использованный переводчиком, трактуется как *'есть жадно, в большом количестве'* – *zjeść coś łapczywie, w dużej ilości* (Słownik języka polskiego 1978–1981: 220). Как видим, семантика интенсивности присутствует в оригинале и переводе, но имеет разную мотивацию: в русском тексте актуализируется продолжительность действия / процесса, требующего усилий, в польском семантика интенсивности выражается в количестве съеданной пищи и способе поглощения (*жадно*).

Эквивалентом глагола *глотать* в польском языке является глагол *gryźć* со значением *'грызть, обгрызать что-нибудь твердое'* (Słownik języka polskiego 1978–1981: 220), у этого же глагола есть значение *'укусить'* (комариный укус, то есть укус неопасный, незначительный). Переводчик предпочитает глагол *zżerać*, в значении которого присутствуют компоненты *'жадно'* и *'целиком'*, что указывает на более интенсивное действие и согласованность с лексемой *зависть*, обозначающей опасную эмоцию, которая уничтожает жадного и завистливого

человека. Смена глагола меняет и зоообраз: из зверя, который мучает человека (ср.: *тоска гложет*), он превращается в грозного хищника, целиком пожирающего жертву. Происходит приращение семантики интенсивности и беззащитности человека перед чувством зависти.

Такая метафорическая интерпретация характерна и для чувства ревности. Ср.: *Гонениям подвергается коммунист, ужаленный змеей ревности* – *Prześladowany jest komunista ukąszony przez zmiję zazdrości* (укушенный *гадюкой* ревности).

В данных примерах реализуется зооморфная метафора. В переводе сохраняется представление о ревности как о диком животном, причиняющем вред человеку, но наблюдаются некоторые семантические различия: в тексте Ю. Олеши ревность предстает в образе змеи, в переводе подчеркивается ее ядовитый характер, ревность называется *гадюкой* (змея, в отличие от гадюки, не всегда ядовита), что усиливает представление о ней как о разрушающей силе, которая оказывает деструктивное воздействие на личность, испытывающую данное чувство.

Образ болезни. В современных русских и польских дискурсах имеются контексты, актуализирующие образ сильной эмоции как болезни: *Мама, ваш сын прекрасно болен* <...>; *приступ гнева, лихорадочная страсть, муки ревности, давящая ревность, жгучая ревность, мучительная, слепая* и др.

В повести зависть трактуется как болезнь, спазм, перехватывающий дыхание, как мучительная изжога:

Позор упал на меня... Так впервые я познал зависть. Ужасная изжога зависти. Как тяжело завидовать! Зависть сдавликает горло спазмом, выдавливает глаза из орбит – *Hańba spadła na mnie. <...>. W ten sposób poznałem zawiść po raz pierwszy. Potworna zgaga zawiści. Jak ciężko jest zazdrościć. Zawiść jak spazm dławi gardło, wypycha oczy z orbit.*

Общим для двух текстов является реализация метафоры болезни, однако имеются и семантические нюансы. Соответствием глагола *сдавливает* в польском языке является глагол *ściskać*, но переводчик употребил глагол *душит* – *dławi*, в то время как в польском оба глагола равноправны по отношению к эмоциям в метафорических моделях: ср.: *strach sciska mi gardło, strach dławi mi gardło* (*страх сдавливает горло, страх душит горло*). Глагол *dławi* имеет значение 'вызывать остановку дыхания, душить' (что приводит к смерти).

В переводе *зависть* в образе болезни имеет более тяжелый характер, увеличивается интенсивность воздействия чувства на его носителя.

Таким образом, в версии переводчика наблюдаются способы интерпретации эмоциональных состояний зависти и ревности, которые,

как нам кажется, можно рассматривать как пример смысловой и прагматической эквивалентности.

Эмотивные концепты реализуются в виде образа и сценария (скрипта), которые, безусловно, связаны друг с другом. Задачей переводчика было передать эмоциональные состояния и качественную характеристику персонажей-завистников с помощью лексических и грамматических средств языка. Отказ автора от наречно-предикативных конструкций с семантикой 'невольность охватившего чувства' и предпочтение глагольных конструкций свидетельствуют о его намерениях исследовать эмоциональный мир завистника, несущего ответственность за чувства-отношения к окружающим. Эта авторская интенция находит адекватное воплощение в тексте перевода. Кроме того, переводчик, следуя замыслу Ю. Олеси показать чувство в высокой степени проявления, предпочитает метафорические конструкции, актуализирующие и усиливающие компоненты 'интенсивность', 'опасность', 'всеохватность'.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 - *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. М.: Школа «Языки русской культуры». Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 1995. 767 с.

Арнольд 1999 - *Арнольд И.В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 223–238.

Булыгина, Трипольская 2015 - *Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* Динамические процессы в содержании эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в славянских и романо-германских языках // Русин. 2015. № 3 (41). С. 191–209. DOI: 10.17223/18572685/41/14

Воркачёв 1998 - *Воркачёв С.Г.* Зависть и ревность: к семантическому представлению моральных чувств в естественном языке // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57, № 3. С. 39–45.

Гак 1970 - *Гак В.Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. URL: <http://www.twirpx.com/file/1877011> (дата обращения: 05.05.2017).

Кляйн 1997 - *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / Пер. с англ. А. Ускова. СПб.: Б.С.К., 1997. 100 с.

Куттер 1998 - *Куттер П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / Пер. с нем. С.С. Папкина. СПб.: Б.С.К., 1998. 120 с.

Купина 1983 - *Купина Н.А.* Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. Красноярск: Краснояр. ун-т, 1983. 160 с.

- Ожегов 1990 - *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.
- Олеша 1999 - *Олеша Ю.К.* Зависть. М.: Вагриус, 1999. 413 с.
- РАС 2002 - Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1: От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. 784 с.
- Рецкер 1974 - *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1974. 216 с.
- Рубинштейн 1984 - *Рубинштейн С.Л.* Эмоции // Психология эмоций. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 152–161.
- Стефанский 2008 - *Стефанский Е.Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. 302 с.
- Цейтлин 1976 - *Цейтлин С.Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 161–181.
- Olesza 1959 - *Olesza Ju.* Zawiść, przeł. Adam Galis. Warszawa: Państwowe Instytut Wydawniczy, 1959. 196 s.
- Klemensiewicz, Lehr-Spławiński, Urbańczyk 1964 - *Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka historycznej języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe (PWN), 1964. Wyd. 2. 596 s.
- Rudomina, Mamela 2008 - *Rudomina Ju., Mamela M.* Gramatyka języka polskiego. Warszawa: Literat, 2008. 96 s.
- Словник języка polskiego 1958–1969 - Словник języка polskiego / red. W. Doroszewski. Т. I–XI publikowano w latach 1958–1969. URL: <http://sjp.pwn.pl/szukaj/zawi%C5%9B%C4%87.html> (дата обращения: 05.05.2017).
- Словник języка polskiego 1978-1981 - Словник języка polskiego / red. M. Szymczak. Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1981. Т. 1–3.

REFERENCES

- Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Arnold, I.V. (1999) Znaczenie sil'noy pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta [The importance of a strong position for interpreting an artistic text]. In: Bukharkin, P.E. (ed.) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'. Intertext* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 223–238.
- Bulygina, E.Yu. & Tripolskaya, T.A. (2015) Dynamic processes in the content of

emotional concepts of envy and jealousy in Slavic and Romance-Germanic languages. *Rusin*. 3 (41). pp. 191–209. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/14

Vorkachev, S.G. (1998) *Zavist' i revnost': k semanticheskomu predstavleniyu moral'nykh chuvstv v estestvennom yazyke* [Envy and jealousy: to the semantic representation of moral senses in the natural language]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*. 57 (3). pp. 39–45.

Gak, V.G. (1970) *Problemy leksiko-grammaticheskoy organizatsii predlozheniya (na materiale frantsuzskogo yazyka v sopostavlenii s russkim)* [The problems of the lexico-grammatical organisation of the sentence (on the basis of French compared with Russian)]. Philology Dr. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://www.twirpx.com/file/1877011> (Accessed: 5th May 2017).

Klein, M. (19975) *Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie bessoznatel'nykh istochnikov* [Envy and Gratitude. A Study of Unconscious Sources]. Translated from English by A.Uskov. St. Petersburg: B.S.K.

Kutter, P. (1998) *Lyubov', nenavist', zavist', revnost'. Psikhooanaliz strastey* [Love, Hatred, Envy, Jealousy. Psychoanalysis of Passions]. Translated from German by S.S. Papkov. St. Petersburg: B.S.K.

Kupina, N.A. (1983) *Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvo-smyslovo-go analiza* [The Meaning of the Fiction and Aspects of Linguistic and Semantic analysis]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

Olesha, Y.K. (1999) *Zavist'* [Envy]. Moscow: Vagrius.

Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V., Sorokin, Yu.A. & Tarasov. E.F. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [The Russian Associative Dictionary in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Astrel': AST.

Retsker, Ya.I. (1974) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevod* [Theory of Translation and Translation Practice: Essays on the Linguistic Theory of Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Rubinstein, S.L. (1984) *Emotsii* [Emotions]. In: Vilyunas, V.K. & Gippenreiter, Yu.B. (eds) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. Moscow: Moscow State University. pp. 152–161.

Stefansky, E.E. (2008) *Emotsional'nye kontsepty kak fragment mifologicheskoy i sovremennoyazykovykh kartin mira (na materiale kontseptov, oboznachayushchikh negativnye emotsii v russkoy, pol'skoy i cheshskoy lingvokul'turakh)* [Emotional concepts as a fragment of mythological and contemporary language pictures of the world (based on the concepts denoting negative emotions in Russian, Polish and Czech language cultures)]. Samara: Samara Academy for the Humanities.

Tseytlin, S.N. (1976) *Sintaksicheskie modeli so znacheniem psikhicheskogo sostoyaniya i ikh sinonimika* [Syntactic models with the meaning of the mental state and their synonymy]. In: Zolotova, G. A. (ed.) *Sintaksis i stilistika* [Syntax

and Stylistics]. Moscow: Nauka. pp.161–181.

Olesza, J. (1959) *Zawiść* [Envy]. Translated into Polish by A. Galis. Warsaw: Państwowe Instytut Wydawniczy.

Klemensiewicz, Z., Lehr-Splawiński, T. & Urbańczyk, S. (1964) *Gramatyka historycznej języka polskiego* [Historical Grammar of the Polish Language]. 2nd ed. Warsaw: PWN.

Rudomina, Ju. & Mameła, M. (2008) *Gramatyka języka polskiego* [Grammar of the Polish Language]. Warsaw: Literat.

Doroshevsky, V. (ed.) (1958–1969) *Słownik języka polskiego* [The Dictionary of the Polish Language]. [Online] Available from: <http://sjp.pwn.pl/szukaj/zawi%C5%9B%C4%87.html> (Accessed: 5th May 2017).

Szymczak, M. (ed.) (1978–1981) *Słownik języka polskiego* [The Dictionary of the Polish Language]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Bulygina Elena - Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Tripolskaya Tatiana - Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

Ференц Павел – преподаватель кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Ferenc Pavel - Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: pawelferenc2@gmail.com